

Сергей Левков

ЭНИН "Тёмные Врата". Том 2

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

18+

Сергей Левков

ЭНИН "Тёмные Врата". Том 2

«Автор»

2026

Левков С. С.

ЭНИН "Тёмные Врата". Том 2 / С. С. Левков — «Автор», 2026

Роман-триллер «ЭНИН: Тёмные Врата» является одной из ветвей продолжения романа «ЭНИН: Человек из Лотингаля». Он повествует о капитане грузового балкерного судна, который потерпел крушение в океане и был найден живым в спасательной шлюпке лишь через три года. Загадочное исчезновение корабля спутало карты многим людям в высших эшелонах власти, так как на его борту тайно перевозился спецгруз. Во время катастрофы капитан попал во временной парадокс посреди океана, которые предопределили его дальнейшую судьбу. В романе переплетаются прошлое, настоящее и будущее, а также затрагиваются фундаментальные вопросы бытия...

© Левков С. С., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава 1 Капитан	5
Глава 2	24
Джим	25
Глава	32
Глава 4	38
Кто я?	39
Конец ознакомительного фрагмента.	40

ЭНИН "Тёмные Врата". Том 2

Глава 1 Капитан

«Чтение снабжает разум только материалами знания! Но лишь мышление делает то, что мы считаем нашим!»

Джон Локк

Один мудрец однажды сказал: «Вся жизнь есть боль! Ибо боль — неотъемлемая часть жизни!»

Приоткрыв завесу непостижимого и заглянув в сущность мироздания, ты понимаешь: существуют грани, лежащие за пределами разума, которые не поддаются привычному пониманию вещей.

Нагромождение теорий, чисел и цитат не имеет никакого значения. Эту белиберду понимаем только мы. И всё!

И лишь глубокое подсознание, где ещё теплится остаток тебя, тихо шепчет сквозь шум паразитического мозга: за далёкими звёздами и бесчисленными вселенными «Что-то» зовёт тебя домой!

Но принципы, работающие на Земле, не действуют там, откуда доносится этот зов. В другом мире порядок вещей обретает иную форму, иную суть жизни, другую текучесть парадокса, который мы упрощённо называем временем.

Неизменность того, что мы считаем фундаментальным, — откровенная ложь, скажу я вам! Откровенная ложь...

Это совершенно иная парадигма, иной порядок сознания, плеяда тонких материй, не поддающихся разумному пониманию.

Эти Миры не вписываются в рамки нашего примитивного мышления, разделяющего всё на «белое» и «чёрное». Хотя стёртые грани между этими понятиями порой опаснее любой иной формы жизни.

Нам ещё очень далеко до Божественного творения абсолютной Алетейи!

Ха-ха-ха! Мы можем изучать числа, вычислять координаты, строить теории. Но даже обладая всем этим, вы её не найдёте!

Какая нелепая сумятица — пытаться вместить мироздание в устоявшуюся аксиому: «Я мыслю, следовательно, я существую».

Бедный Декарт!

Провести жизнь среди сырых книг, в промозглой сырости заточения «Трёх корон», чтобы после смерти, по иронии судьбы, оказаться разделённым надвое...

Примитивные крысы растаскивали его останки, думая, что те обладают какой-то магической силой! А истина всё это время оставалась там, куда не дотянуться ни руками, ни разумом, — в голосе, что возвышается над разумом, словно маяк на другом конце неосязаемой Вуйтлы, Ветлы...

Всё, к чему бы мы ни прикоснулись, по-настоящему нам не принадлежит!

Вы же понимаете?

Аксиома «Я есть» перестаёт быть аксиомой, стоит лишь спросить себя:

Я есть?

Когда я есть?

Почему?

Где я есть?

И действительно ли Я — это я?

Даже наше тело — оно не наше! И всё же мы ощущаем его как неотъемлемую часть себя.

В легендах амазонских индейцев Кхафу-Тхара и у народов Гуджарата в Индии упоминается нож *Asth Nabu*, который переводят как «разрезающий время».

Слово «Nab» на их языке означает ступицу колеса — точку опоры, которая удерживает и приводит его в движение. Но речь идёт не об уничтожении времени. Скорее, об упразднении времён — отдельных состояний бытия, в которых само время становится чем-то текущим, обретающим форму, доступным прикосновению, вкусу и запаху.

Странно звучит, правда?

Как можно попробовать время на вкус? Абсурд!

Глупость, скажете вы?

Тогда объясните мне: что движет нашим творением? Что лежит в основе Жизни? И какой смысл во всём этом?

Почему запах или звук способны перенести нас в прошлое, которое одновременно может оказаться настоящим и предшествовать будущему?

И тут становится по-настоящему страшно. Мы — всего лишь «единицы», заключённые в иллюзию пространства и времени. Наши примитивные рецепторы создают ощущение реальности, привязанной к конкретному мгновению.

Но что, если настоящий мир совсем не тот, каким мы его воспринимаем?

Дюжий человек с чёрной бородой определённо бредил. Он говорил, словно не мог оторвать глаз от незримой точки за стеной. В его синих глазах отражались тысячи океанов, затерянных в бескрайней Вселенной.

Он чувствовал себя скверно и говорил неспешно, будто время остановилось у его уст. Присутствующие пытались зацепиться хотя бы за одну знакомую мысль, но его слова ускользали от их понимания.

Каменные лица важных людей, каждый из которых играл свою роль в этом процессе, выражали недоумение.

Что говорит этот человек?

Большинство слушало его как сумасшедшего, пропуская слова мимо ушей.

Но не гладко выбритый мужчина, сидевший напротив, в центре длинного стола. Его квадратное лицо и аномально большой, лысый до блеска череп напоминали Хафеза Асада. Он не сводил глаз с бородатого великана.

— Сумев отделить себя от тела, ты сможешь увидеть Врата и познать истину! — бормотал тот. — Но она может тебе не понравиться...

Твоё тело — твоя тюрьма! Твоё проклятие и одновременно спасение!

Оно подобно сложнейшей функции, ячейке матрицы, скрытой за знаками блокировки, которые разделяют тебя и твою истинную сущность.

Тело — твой основной мозг! Самый древний и самый разумный.

Оно помнит всё. Оно знает, как ты проживёшь ближайшие сто тысяч лет, когда тебе придётся изменить форму и приспособиться к новой среде. Оно ищет своё совершенство — свою абсолютную Алетейю, пока твой разум даже не подозревает об этом.

Парадокс, не правда ли?

Нас убивают вода, Солнце, кислород и многое другое. И всё же тело сумело приспособиться к этой агрессивной среде, вступив в симбиоз с миллиардами колоний внутри и вокруг себя.

Мы даже не понимаем, насколько тело разумнее нашего мозга!

Вы спросите, как можно отделять тело от мозга?

На Земле это практически невозможно. Условия обитания породили симбиоз древнего гриба, животного и душ «Ики». Так появился человек и всё живое вокруг него.

Так считают амазонские индейцы. А у северных народов — чукчей, хантов и ненцев — существуют свои предания о сотворении мира.

В начале времён была лишь вода. Верховный бог Нум отправил полярную гагару на дно мирового океана, чтобы она достала немного ила или глины. Из этой глины он сотворил землю, а затем слепил первых мужчину и женщину.

В преданиях чукчей похожую роль играет Ворон Куркыль — посланник верховного Творца, создавший первых людей из земли, глины или древесного праха и вдохнувший в них жизнь.

В хантыйских и мансийских мифах действуют Нуми-Торум и богиня земли Калтац-Эква. Сначала Нуми-Торум попытался создать людей из мощных листовенничных брёвен. Но получились гигантские духи-людоеды — менквы, словно динозавры из далёкого прошлого. Они оказались злыми и непослушными, и богу пришлось уничтожить их.

Затем божества создали человеческий каркас из гибких ветвей тальника и вуйтлы — ивы, — обмазали его глиной. Калтац-Эква дала людям душу, а Нуми-Торум оживил их.

Что общего между этими легендами?

Древние создатели даже не подозревали, что собственной смертью породят нас. Попад на Землю, им пришлось умереть, чтобы возродиться заново.

С каждым вздохом, с каждым глотком воды они безвозвратно становились нами.

Земля поглощала их первозданное естество, меняла их изнутри. Достаточно было взять у неё самую малую частицу, чтобы начать необратимо меняться.

Великаны, совершившие аварийную посадку на Земле, были поражены красотой этой планеты. Они пили из чистых рек и ручьёв, ели её дары и, сами того не замечая, постепенно превращались в нас, теряя счёт времени в пьянящем забвении жизни.

В мире Нави Земля совсем молода по космическим меркам. Ей всего около двадцати галактических лет, если не считать периода первоначального формирования. Иными словами, она двадцать раз обернулась вокруг чертога своей галактики, вокруг чёрной дыры.

Умножьте это на один галактический год — двести пятьдесят тысяч лет — и получите примерный возраст Земли...

И с каждым оборотом её траектория становится всё уже. Её затягивает в параллельную галактику!

Это то, что касается мира, в котором обитает твоё тело.

Но действительно ли оно находится там, где мы думаем?

Большой вопрос.

Весь ужас этой телесной тюрьмы, куда нас заключила Эвэ, в том, что, когда твоя камера станет тесной и ты изживёшь себя, ты уснёшь — и проснёшься в новой тюрьме. Она будет похожа на прежнюю, но немного отличаться формой и генетическими признаками.

И всё же ты будешь слышать тот же голос, который своим молчанием говорит громче всех.

Наши ограничения обусловлены агрессивной средой обитания.

Ибо мы изгнаны из собственного дома.

Как бы мы ни пытались вспомнить прошлое, всё тщетно! Между нами и истиной — миллиарды стен. У них есть ключ из сорока шести ворот: двадцать три пары непроходимых лабиринтов размером с Солнечную систему и двадцать две пары неприступных крепостных валов высотой в сотни миллионов километров.

И лишь одни золотые ворота из сорока шести позволяют пройти.

Но их невозможно просто найти на небесном Атласе.

Это наш мир — тот, откуда мы все родом!

Иногда между переходами происходит нечто, называемое...

Человек в железном, нержавеющей кресле на миг замолчал.

— Я затрудняюсь дать этому разумное, объективное определение. Не знаю, как объяснить вам то, о чём я брежу в эту минуту, в этом странном ангаре посреди ничего! — задумчиво промолвил он.

— Аборигены Австралии называют его Торк, пигмеи Африки — Кытынг-а, а северные народы — «Энин». Это единственное, что связывает нас с нашим первичным сознанием.

О Ней знают древние народы, но не мы. Странно, правда? — Дюжий человек горько улыбнулся.

— Это «Нечто» доступно лишь некоторым. Иногда оно приходит во сне, иногда — в состоянии комы, иногда — под водой, когда до поверхности почти рукой подать, но воздуха уже не осталось и вместо него ты вдыхаешь холодную морскую воду...

Где-то между жизнью и смертью ты можешь лишь слегка к нему прикоснуться. Слегка-слегка!

Подобно животному, которое увидело новорождённого младенца.

Животные чувствуют это острее. Они узнают в излучении первозданной энергии младенца нечто родное. Будто их главный Создатель зовёт их домой.

«Энин» — субстанция другого мира, из которой сотканы души «Ики». Она ни живая, ни мёртвая. Нечто вроде ключа, который однажды обронил Бог.

— Погодите! — вдруг обратился к нему выбритый мужчина. — Вы сказали, что Земля — ловушка, куда попали великаны из каких-то лабиринтов. А теперь говорите о животворящей энергии, которая движет временем и эволюцией. Я вас не понимаю.

Морской прокурор, по-видимому, был единственным, кто хотя бы пытался осмыслить услышанное.

Дюжий человек пристально посмотрел ему в глаза и тихо, с хрипотцой, произнёс:

— Вы умираете...

Морской прокурор странно посмотрел на бородатого великана. Его лицо слегка побавело, и он опустил глаза, уткнувшись взглядом в стол.

Бородатый мужчина снова повторил прежнюю фразу, глядя в разные стороны, словно ему было всё равно, что происходит вокруг.

Он понимал, что всё сказанное было впустую. Его охватили паника и сожаление. Он растерянно шептал:

— Обронил Бог...

Снова и снова, будто Бог ронял этот проклятый ключ, а он никак не мог понять, куда тот упал.

Он заговорил быстрее, беспокойно переводя взгляд с одного лица на другое. Казалось, он уже не замечал присутствующих и всё ещё надеялся, что хоть кто-нибудь его услышит.

В его глазах промелькнула искра. Он словно оказался на пике эмоционального и умственного напряжения, когда мысли рождаются быстрее, чем их успеваешь осмыслить. Но этот жар уже начинал угасать.

— Маленькая капелька, способная привести в движение мысль! Поднять целое море! Целую Вселенную!!!

Он обвёл присутствующих безумным взглядом, словно не замечая их равнодушных лиц.

— Вы представляете?!

— Да, это сложно представить... — кто-то бросил дежурную фразу, пытаясь разрядить обстановку. То ли из жалости, то ли желая привлечь к себе внимание.

— Но всё гораздо сложнее, чем мы думаем! — грустно произнёс дюжий человек.

Он снова поймал взгляд того, кто ответил ему.

— Времени не существует как такового. В мире «Энин» вообще нет понятия времени! Оно лишь побочный эффект жизни, явление или стихия.

Всё пространство пронизано «Ики» — Вишну, Велесом, Фреей, Есидой... Называйте как угодно. Всё пронизано её благодатью. И древние об этом знали.

Размеры и время за пределами нашего разума не имеют никакого значения.

Она — Животворящая. Она — конец и начало.

Она — Великая Мать! Мать Древа, у истока всего и вся!

Мы — неблагодарные твари, недостойные её! Возомнили себя богами, поставили выше самого Мироздания, придумали идолов, чтобы сваливать на них собственную несостоятельность и прикрываться именами несуществующих кумиров. Глядим в холодное небо и повторяем: «Дай, дай, дай!»

Не желаем эволюционировать. Не желаем посмотреть себе под ноги.

Словно жалкие попрошайки, сидящие на паперти посреди огромной кучи золота!

Если бы «бог» существовал в привычном нам понимании, он бы просто раздавил нас, как отвратительных, неблагодарных паразитов!

Его последнее слово громовым эхом прокатилось по огромному помещению.

— Как же мы примитивны! Я не могу привыкнуть к собственному телу. Оно мне чуждо!

Человеческое тело создано искусственно, несмотря на все противоречия, о которых я говорил. Я не могу объяснить вам то, что видел. Это невозможно передать словами!

Они взяли её основу — понимаете? — и в самое сердце этой основы соединили тело Матери со спорами из другого, тёмного мира.

Так появились «Тёмные Врата» — словно злой гений создал массовое биологическое оружие!

Споры ограничивают наши возможности. Этот «гриб» живёт в наших генах. Мы словно марионетки, которыми управляет нечто чужое. Наши мысли подчинены простым алгоритмам, а чувства ограничены биологическими потребностями, необходимыми для питания главного паразита в нашей голове!

Он с отвращением посмотрел на свои руки. Когда он оторвал их от перил кресла, казалось, будто он вот-вот разорвёт тонкие наручники. На фоне его мощных предплечий они выглядели игрушечными украшениями.

Он взглянул на собственные запястья. Наручники едва держались на последних зубцах и больно давили.

— Я был там! — произнёс он. — Мне подарили возможность прикоснуться к этому ключу Всевышнего!

В тот миг передо мной промелькнули тысячи жизней, тысячи моих воплощений. Я видел её в разные эпохи, но прежде всего увидел собственные руки.

Я видел их в отражениях времён. Они принадлежали разным людям, животным, неизвестным созданиям, непохожим друг на друга...

Я слышал, как растут мои кости, чувствовал, как кровь перетекает по венам с каждым ударом сердца!

Я видел тысячи рук! Представляете?! Тысячи проклятых рук!

Руки младенца и каторжника, руки в грязи, мозолях, трещинах и крови. Изящные руки с золотыми перстнями. Просящие и дающие. С оружием. Созидающие. Молящие...

И всё это — мои руки! Мои проклятые, грешные руки!!!

Он резко поднял голову и обвёл присутствующих взглядом.

— Вы — это я! Если вы ещё не понимаете... Вы! Моё отражение! А может, и вы — всего лишь плод моей фантазии?

Присутствующие переглянулись.

— Как отвратительна природа человека и как прекрасна его душа! Удобная временная тюрьма, не правда ли? Ни стен, ни решёток. Ты сам строишь свою тюрьму, находясь внутри неё!

Человек с бородой громко засмеялся. Его смех разлился эхом по высокому помещению.

— А ведь там мой дом!!!

Он внезапно замолчал, словно столкнулся с незримой безысходностью.

— Был... — прошептал он.

— Какой абсурдный каламбур! Тюрьма в тюрьме! Бесконечная, мать её, матрёшка! Ха-ха-ха! Да?!

Звон наручников о железные перила кресла лишь подчёркивал его слова.

Он резко вскинул голову и крикнул:

— Узники «завтра», не родившиеся «сегодня»! Сколько вас таких?!

Присутствующие вздрогнули от неожиданности.

Калем затряс коленом и повернул иступлённый взгляд к высокому зеркалу, в котором отражалась часть окна, залитого ярким дневным светом.

С улицы доносился крик чаек.

Он понимал, что они держат его где-то на побережье. Помещение было похоже на переделанный под офисы ангар.

Леннарт Линдквист, присутствующий в этом зале, был шведом по национальности. Он являлся международным судебным представителем из Международной службы расследований, обвинителем по особо важным делам, который привлекал к работе экспертов и специалистов по профилю катастроф и кораблекрушений. Он был морским международным прокурором одного из представительств в Австралии.

Это был приземистый мужчина среднего возраста, с узким, начисто выбритым лицом и головой, глубоко посаженными серыми глазами с цепким, холодным взглядом. Его движения были точны и выверены. Во всём его облике сквозила рациональность и дотошность.

Пятнадцать лет он занимался расследованием обстоятельств кораблекрушений. Сейчас он защищал интересы торговой корпорации-перевозчика «MSN & D» — владельца сухогруза «LAPLAND'S».

С таким делом он столкнулся впервые за свою многолетнюю карьеру расследований кораблекрушений и коррупционных дел.

— Мистер Брут, давайте начнём всё сначала!

В большой комнате раздался женский голос.

Где-то справа от бородатого крупного мужчины стояла высокая блондинка, скрестив руки на груди, и пристально всматривалась в профиль ополоумевшего капитана.

— Вы сказали, что вы были «там». Где «там» — мы не понимаем. Вы нас совсем запутали! Расскажите сначала, что было на корабле до того момента, как вы оказались где-то «там». Нам хотелось бы знать детали произошедшего на корабле до момента крушения.

В большом помещении послышались голоса, шёпот, скрип стульев, шуршание одежды, шелест бумаги...

Наконец воцарилась гробовая тишина.

— Я уже всё рассказал вашим друзьям! — прохрипел дюжий бородатый мужчина.

Блондинка открыла ноутбук, присела на рядом стоящий такой же железный стул и ровным, слегка надменным голосом промолвила:

— Мы понимаем, что вы потерпели крушение и пережили ужасные события, которые в полной мере нам не постижимы... Но тот факт, что вас нашли спустя три года после катастрофы в океане, в спасательной шлюпке с балкера «LAPLAND'S», нашим партнёрам не внушает доверия к тому, что вы им рассказывали. --Дамочка взяла кипу бумаг с отчётами допроса и своеобразно потрясла ими.

Она сделала небольшую паузу.

— Господин Брут! Корабль, на котором вы шли, исчез с радаров. Как вышло так, что вы потеряли корабль? Что случилось? Давайте отбросим ваше гипотетическое путешествие, как вы выразились, в «Энин» — мир, который доселе понятен лишь вашему воображению... Вы можете без метафор и всяких философских тезисов описать происходящее на корабле? Давайте отойдём от того места, куда вы гипотетически попали, хорошо?

Она посмотрела на капитана.

— Что случилось с теплоходом? Что случилось с членами экипажа и грузом стоимостью пять миллиардов четыреста миллионов долларов, который вёз ваш сухогруз? Вы пропали с радаров GNSS 8 октября 2003 года в 22:21 по австралийскому времени...

Дама говорила спокойным, холодным тоном, сидя сбоку от правого плеча Калема Брута на значительном расстоянии, на таком же железном стуле, что и он.

Тем временем суровый, гладко выбритый мужчина среднего возраста, Леннарт Линдквист, с маленькими серыми глазами пристально всматривался в «умалишённого капитана», который сидел в металлическом кресле, прикрученном к полу и пристёгнутым наручниками к его дугам.

Господин делал вид, что что-то читает в отчёте GNSS — системы, предназначенной для определения местоположения, географических координат наземных, водных и воздушных

объектов, а также низкоорбитальных космических аппаратов. Но, сказать по правде, он практически знал наизусть всё, что там было написано.

Суровый господин — специальный международный прокурор по расследованию кораблекрушений, занимавшийся делом об исчезновении сухогруза балкерного типа под названием «LAPLAND'S».

Он внимательно слушал женщину.

— Сухогруз исчез с радаров 8 октября 2003 года в 22:21 по австралийскому времени в южной части Тихого океана, в координатах 52°21'57.7"S, 152°44'11"E. А спустя три года... — дама сделала на этой фразе очевидный акцент, — после поисков в южной части Тихого океана нашли спасательную шлюпку с единственным выжившим из всего экипажа сухогруза «LAPLAND'S»!

Она посмотрела прямо на капитана.

— Это были вы! Что это была за инсценуация спустя три года? Потому. Это выглядит именно так! Что произошло на судне? Как вы выжили? И кто вас туда доставил? Где вы были последние три года? Вы хоть знаете, какой сейчас год, господин Брут?

— Мэм! Если позволите...

Линдквист поднял палец вверх, как бы намекая даме, кто ведёт процесс допроса, и предлагая ей немного повременить со своими инициативами и догадками.

Дамочка затихла.

Человек, которого называли Капитаном, словно не понимал, что происходит. Он не понимал, где он и как оказался в таком непонятном положении.

Гром в его голове не сходил... Тысячи молний пронзали небо, словно Посейдон закинул небесные сети на гигантского кальмара!

Воображение, словно бесы, играло в голове, неумолимо сдавливало грудь и спирало дыхание.

Калем Брут задыхался. Судороги сдавливали его тело, и он задрожал. Сквозь кожу проступил холодный пот. Его синие глаза отражали тот глубокий, бескрайний океан, где в каждой капле пота на его теле можно было увидеть борьбу с невиданной стихией.

У Капитана был жар. Его истязала лихорадка. С ним что-то происходило, но он старался не подавать виду, что испытывает боль.

В какой-то миг человек в железном кресле перестал дрожать. Его судорожно сжатые кулаки медленно разомкнулись, и он выпрямился.

Посмотрев пристально в глаза присутствующим, он увидел просторное помещение, где, помимо международного морского прокурора, присутствовали представители службы надзора и ещё несколько неизвестных ему людей.

Двое мужчин европейской наружности в строгих костюмах весь допрос молча слушали и что-то записывали. Их представили как представителей технического надзора.

Также здесь находились два человека: темнокожий офицер и его рыжеволосый светлокотый адъютант по чрезвычайным ситуациям — худощавый англичанин с вытянутыми чертами лица.

И светловолосая дамочка лет тридцати пяти с туго собранными крашеными белыми волосами, узкими женскими очками в оправе с позолотой — та самая, что допрашивала его ранее.

Дамочка молчала почти весь процесс допроса, лишь время от времени поправляла камеру, направленную в лицо Калема Брута, и продолжала съёмку.

Это была глава отдела суперинтендантов главного офиса фрахтователя. Именно на их компанию ложилась ответственность за потерю груза и корабля.

Человек в кресле окинул всех суровым взглядом и начал свою речь.

То, что сама глава отдела находилась здесь, говорило об очень серьёзном грузе на борту. По всей видимости, капитан Калем Брут не знал его истинной стоимости, потому что бокситы не могли стоить столько денег.

— Я, капитан Калем Брут. Я норвежец русского происхождения по матери. Моё норвежское имя — Кельтам! Моё имя часто коверкают, и потому я изменил его на «Калем» — так проще, и ошибок в документации стало меньше.

Капитан закашлялся.

— После трёх лет перерыва мне дали под командование теплоход «LAPLAND'S», который стоял в южноафриканском порту Камсар. На борт было погружено сто девяносто восемь тысяч тонн бокситов. Этот груз должен был быть доставлен в Китай.

— По пути мы зашли в порт на острове Реюньон, где получили указания от руководства очистить подводную часть корпуса. Там к нам на борт поднялись люди, которые взяли пробы боксита. Они представились представителями китайской корпорации — алюминиевого завода, к которому должен был прийти наш груз в Китай, в Бинджоу, округ Цзоупин, вроде.

Брут притих.

— Хм... Очень хорошо. И что дальше? — спросил судебный представитель после того, как капитан на секунду задумался.

— Ничего. Они провозились полдня и ушли. Мне нужно было найти водолазов, но водолазов для данной работы в тот день не оказалось. Нам сказали, что они будут только через три дня. У меня не было столько времени. Мы выбивались из графика, поэтому я принял решение взять курс на Сингапур для пополнения запасов топлива и воды, чтобы можно было добраться до Китая и доставить груз.

— Позвольте спросить: какой опыт у вас в управлении теплоходами класса NewMax? — перебил один из двух представителей, которые почти весь процесс молча слушали.

— Это моё третье судно этого класса. Первое судно я принял с завода и проходил на нём шесть лет. Второе судно — «GramtMAX», принадлежавшее американской компании, на котором я проработал четыре года, до его полного списания. И наконец, через три года мне предложили судно «LAPLAND'S» этого же класса — балкер NewMax. Поэтому для меня ничего нового в управлении этим теплоходом-сухогрузом балкерного типа нет.

— Ясно. Хорошо... Продолжайте дальше! — любезно попросил представитель. Леннарт Линдквист искоса глянул в сторону двух представителей в синих костюмах.

Капитан закашлялся.

— Можно мне воды? В горле что-то жжёт.

— Да, конечно.

Худощавый адъютант налил капитану Бруту воды. Тот жадно выпил стакан, но, похоже, не напился и попросил графин.

Адъютант очень удивился и посмотрел на темнокожего офицера. Тот одобрительно кивнул.

Худощавый англичанин торопливо протянул капитану графин с водой.

Капитан пил жадно и громко, большими глотками. Часть воды выливалась ему на густую чёрную бороду и волосатую грудь, которая оставалась неприкрытой.

Душа нараспашку.

Вода лилась на пол. В гробовой тишине зала эхом отдавались от стен звуки его больших, громких глотков и всплески воды о пол.

В один миг большой викинг выпил почти всю воду из трёхлитрового графина.

Графин соскользнул с его рук и упал на пол, разбившись вдребезги.

В комнате стояла гробовая тишина.

Англичанин что-то хотел сказать в порыве растерянности, но специальный представитель поднял указательный палец вверх, и тот затих.

— Продолжайте, мистер Брут, — промолвил Леннарт Линдквист, словно не обращая внимания на большие осколки стекла от разбитого графина под ногами.

Дама встала со своего стула и демонстративно зашагала к остальным присутствующим за большой стол, где сидели представители разных ведомств. Под звуки высоких каблуков и хруст стекла под подошвами своей изящной обуви она подошла к главному столу и присела вместе со всеми.

— Как часто вы делали обход судна? — спросил специалист по расследованию кораблекрушений. — И какие проблемы были при его приёме?

— Обход судна я делаю каждое утро и каждый вечер. Внешне всё было хорошо, хоть и команда мне попалась разношёрстная: латиноамериканцы, русские, норвежцы и пара — муж и жена — повара-китайцы. Всего четырнадцать человек.

Капитан окинул взглядом бедра блондинки. Она действительно была недурна. Когда он обнаружил, что она в этот момент наблюдает за ним, посмотрел ей в глаза и, не отводя взгляда, продолжил:

— Мы попали в двадцатичетырёхдневный дрейф. Как оказалось, вся проблема скрывалась в машинном отделении. Мотористы и механики долго не могли определить, в чём заключается поломка. И, как назло, наш «Дата Конекшен» — FVB — вышел из строя. А вечером обесточилось всё судно!

— Напомните, какого числа это было? — спросил специальный представитель, что-то записывая в блокнот.

— Это было 23 сентября 2003 года. «Дата Конекшен» FVB вышел из строя в 10:36, а судно обесточилось в 16:44, — прохрипел капитан своим скрипучим, суховатым голосом.

— И вы всё это помните? Как-никак три года — это немалый срок, — удивлённо спросил Леннарт Линдквист.

— Для меня это было словно вчера, — многозначительно промолвил капитан. — Всё не так просто, как вы себе представляете. Да, на память я не жалею, — сухо ответил Калем Брут.

Специальный представитель задавал свои вопросы по протоколу, а капитан мыслями был где-то далеко.

Перед глазами показался образ жены и шестилетней дочери Лизы, дома у озера и гаража с отцовской старой колымагой — «Dodge Power Wagon», которую Калем Брут переделывал в brutальный внедорожник.

Он крутил, варил и чинил в свободное от плавания время, отрывая его от обязанностей перед семьёй. Запах жасминовых кустов, росших возле его гаража, до сих пор стоял в его ноздрях.

А то, что с ним случилось в море, он старался забыть.

Но люди в большом помещении настойчиво не давали ему забывать...

— Расскажите, что случилось в машинном отделении? — задал вопрос Леннарт Линдквист и сделал какую-то пометку в своих бумагах.

Калем Брут молчал.

Вдруг дал о себе знать угрюмый чернокожий офицер:

— Отвечайте на вопросы, сэр!

Калем Брут тяжело поднял на него глаза и продолжил:

— 23 сентября 2003 года, после того как обесточился теплоход, я спустился в машинное отделение. Из каскадного танка валил пар — остановился котёл!

В машинном отделении было темно. Шум и пронзительный вой сигнализирующих датчиков раздражали и не давали толком сконцентрироваться на проблеме.

Звучал пронзительный писк. Команда бегала, пытаясь снова привести в движение двигатель, пока нас не развернуло лагом к волне и не начало качать.

На самом деле после этого случая — обесточивания и остановки — подобные ситуации стали происходить с такой регулярностью, что я сбился со счёта, сколько их на самом деле было...

Их было много.

За всю мою карьеру такое было впервые!

— Что привело к этому?

Капитан громко засмеялся и закашлялся.

— Человеческая жадность, сэр! Да! Именно человеческая жадность привела к этому!

Капитан посмотрел на дамочку.

— Корабль уже очень давно в чартере. Замены новых комплектующих не было с момента его выхода с верфи, судя по записям в техническом журнале. И всё! Проблемы посыпались разом, как из мешка!

— 25 сентября мне позвонили из машинного отделения и сказали, что у нас есть протечка в трубах высокого давления и её надо устранить. Для этого нужно было остановить главный двигатель.

После устранения протечки мы попытались запустить двигатель, но запустить его уже так и не смогли. Давление топлива было настолько низким, что пуск двигателя оказался невозможен.

И с этого момента мы пустились в дрейф.

Он продолжался целых двадцать четыре дня.

Топливная система высокого давления и все её элементы — возвратные клапаны, фитинги — были повреждены. Насос вышел из строя...

Капитан снова закашлялся.

— Вы знаете, что ваше судно зафрахтовано за тридцать тысяч долларов в сутки? Тридцать тысяч долларов в сутки компании обошёлся ваш простой! Это семьсот двадцать тысяч долларов за двадцать четыре дня! Но если перемножить всё на три года, что вы отсутствовали, то цена этого груза и корабля получится баснословной!

Внезапно дала о себе знать дамочка в строгих очках.

Капитан угрюмо молчал, а потом спокойно ответил:

— Спасибо, что напомнили. А то как бы я без вас смог просчитать?

С иронией промолвил капитан:

— Наша доблестная компания помогала морально как могла, за что ей огромное спасибо!

Капитан показал жест двумя руками, изображая кавычки.

— Компания всячески отработывала инструкции по «траблшутингу», но, к сожалению, никто из них не задавался вопросом: когда мы вообще должны отдыхать?!

Он слегка повысил голос, обращаясь к блондинке — представителю фрахтователя:

— К сожалению, через трое суток команда дошла до полного истощения. Мне пришлось остановить все ремонтные работы и дать людям отдохнуть, после чего я разделил экипаж на трёхсменный режим работы и усилил состав машинного отделения матросами.

Матросы помогали как могли. Наши ремонтные работы продолжались сутки за сутками, день за днём. Мы делали всё новые шаги по «траблшутингу», пытались выполнять всё новые и новые инструкции, которые уже исходили от производителя главного двигателя и нашего технического департамента через спутниковый телефон.

Всё новые и новые попытки...

Но они все были безуспешными.

После двенадцати дней дрейфа мы уже начали сомневаться, что сможем запустить двигатель самостоятельно и продолжить путь.

Усталость экипажа начала сказываться на работе. И однажды эта усталость чуть не натворила беды.

Старший механик хотел изменить значение мощности котла на панели управления, но от того, что был настолько уставшим, перепутал «3» с «9». Вместо 35 процентов мощности он установил 93.

В общем, мы имели самый настоящий пожар — загорелась нижняя часть котла, которая тут же была потушена.

Котёл мы восстановили, — добавил капитан, опережая вопрос судебного представителя.

— Простите, а зачем нужен котёл? — внезапно спросил худощавый англичанин, который, в принципе, не должен был задавать никаких вопросов.

— Котёл нужен, чтобы дожигать тяжёлое топливо, которое не сгорело в системе, — ответил капитан.

Темнокожий офицер вопросительно глянул на адъютанта. Тот слегка оробел и побагровел, опустил глаза из-за своего несдержанного любопытства.

— Продолжайте! — промолвил морской прокурор капитану.

— На двадцатый день дрейфа остановился дизель-генератор. Мы обесточились полностью. Включились аварийные генераторы. В топливе в расходных танках была обнаружена вода. Как она там оказалась, мы не знали. По предварительной версии, вода попала в топливо из охладителя дизельного топлива.

Ремонт продолжался. Пока притирали клапаны и ремонтировали главный двигатель, я был между молотом и наковальней.

Молот — это моя компания, которая постоянно бомбила меня звонками и письмами, чтобы мы быстрее сделали главный двигатель и чтобы компания перестала нести убытки.

А наковальня — это сам корабль.

Однако они не понимали того, что мы работаем на грани своих ресурсов и что работать в таком авральном режиме можно лишь в ущерб здоровью и безопасности.

Мне пришлось отключать спутниковый телефон, чтобы нам не могли присылать сообщения или звонить, потому что они только усугубляли положение и не давали спокойно делать свою работу.

Дамочка в очках ухмыльнулась.

— О как!

Она быстро поспешила записать этот факт в свой отчёт.

Капитан понял, что зря был настолько откровенен, и поспешил исправить ситуацию:

— Дело в том, что в конторе сидят люди, которые к морю абсолютно никакого отношения не имеют! Чему меня — капитана с пятнадцатилетним стажем — может научить смазливая двадцатичетырёхлетняя девочка, которая пересылает мне инструкции?

Светловолосая дама подняла свой томный недовольный взгляд — видимо, в знак женской солидарности с той «двадцатичетырёхлетней девочкой». Она недовольно глянула на капитана и многозначительно посмотрела на него.

— Ирония судьбы в том...

Капитан громогласно засмеялся.

— Я три года сидел, раздавал инструкции в офисе и никогда не думал, что сам окажусь в такой ситуации!

Он на мгновение замолчал.

— Теперь только понимаешь, насколько важно, чтобы инструкции давал действительно грамотный человек, который хоть как-то имел отношение к аварийным ситуациям на море, на таких судах.

— Вы сказали, что у вас сломалась антенна FBB. Что именно сломалось в ней? — неожиданно спросила дамочка, поправляя свои узенькие позолоченные очки.

Калем Брут снова мыслями был не в этой комнате.

Он помнил запах жасмина, который исходил из приоткрытого окна их спальни. Запах прекрасных каштановых волос жены, запах её тела, звук её дыхания, бархат измятой постели и озорные утренние лучи солнца на белых подушках и простынях.

Солнечные зайчики прыгали сквозь качающиеся ветки жасмина и клёнов...

На улице пели ранние птицы, а солнечный зайчик так бесстыдно расположился на её прекрасной, словно спелый плод душистого манго, груди...

Как хочется вернуться назад, в тёплую постель к любимой Мари и забыть хотя бы на мгновение все мирские проблемы...

— На антенне сломался моторчик, который автоматически поворачивает антенну в направлении спутника, — ответил на вопрос дамочки капитан.

— Хм... Какое совпадение! То вы намеренно отключаете телефон, чтобы вам перестали давать «тупые» инструкции, а теперь вдруг у вас сломалась антенна! — раздражённо промолвила дамочка.

— Хорошо. Давайте вернёмся к тому моменту, когда вы окончательно пропали с радаров. Это было?..

— Это было 8 октября 2003 года! — прохрипел капитан.

Он понимал, зачем судебный представитель акцентировал внимание на этом вопросе.

Калем знал: это вопросы с проверкой, и любая ошибка в сказанном может привести к новым вопросам.

— Я, пожалуй, продолжу. Поэтапно, не забегая вперёд, чтобы вы не утратили цепочку происходящего.

Как я говорил ранее: мы были обездвижены. Благо, рулевые двигатели работали, но они практически были бесполезны, пока в танках присутствовала вода.

Мы пытались очистить топливо от воды, пропуская его через специальный сепарирующий фильтр. То, что успевали очищать, мы подавали на генератор, который, собственно, и крутил электродвигатели на «подруливающих».

Наш балкер потреблял в среднем сорок три тонны топлива в сутки.

Всё это случилось на значительном удалении от цивилизации. Помощи ждать было неоткуда.

Экипаж принял все меры по устранению неполадок, и мы наконец-то тронулись. Мы направились в наш следующий порт — Сингапур.

Там нас ждали топливо, провизия, запчасти и ремонтная бригада, которая должна была устранить неполадки в главном двигателе.

То, что мы начали двигаться, было очень хорошо, но этого было недостаточно, чтобы добраться до Сингапура.

Давление в топливной системе хоть и позволило нам запустить двигатель, но его не хватало, чтобы запустить двигатель на режиме «полный вперёд» и обеспечить необходимую манёвренность.

Нам предстояло следовать в Малаккский пролив и около двух суток идти районами, где ширина судоходных вод была сильно ограничена. Более того, была необходимость совершать манёвренные операции в ограниченном пространстве.

Для того чтобы наш руль мог поворачивать, ему нужен был либо сильный набегающий поток, либо работа главного двигателя, который мог развить достаточную скорость, чтобы набегающий поток был нужной силы.

Оставалось маневрировать при помощи главного двигателя.

Проблема заключалась в том, что наш двигатель еле дышал. Кроме низкого давления в топливной системе, у нас не работали два цилиндра из шести.

Двигатель мог подвести в любой момент, и это очень сильно напрягало.

Среди сценариев аварийных ситуаций есть так называемый Loss of Propulsion — потеря хода. В данном случае из-за непредвиденной остановки двигателя, когда судно движется в проливе, в фарватере с интенсивным судоходством, выход из строя означает следующее: столкновение с другим судном, посадка на мель либо перекрытие канала и создание аварийных ситуаций для других судов — либо всё это одновременно.

Мы остановились у входа в Малаккский канал, чтобы оживить два неработающих цилиндра. Я остановил судно в наиболее подходящем месте, чтобы команда приступила к работам.

Мы не якорились, потому что не имели представления о глубине и характере дна канала. Бросить якорь, чтобы за что-нибудь зацепиться и потерять цепь, не хотелось.

Новых запчастей не было. Поэтому меняли из того, что было, — б/у запчасти, которые находились не в таком печальном состоянии.

Мой китайский старший механик совершенно не способен был оценить реализацию той или иной работы, поэтому обещанные шесть часов плавно перетекли в трое суток.

Я сделал всё, что смог.

Нас постепенно сносило к берегу, и якорь всё-таки пришлось бросить.

Спустя время нам удалось оживить ещё один цилиндр, и это уже придало нам большую уверенность в том, что мы благополучно сможем преодолеть судоходную часть канала с интенсивным движением судов.

Скорость вращения нашего гребного вала увеличилась на двенадцать оборотов в минуту.

— Перед тем как заходить в маршрутные разделения узкости, вы проводили ходовые испытания? — спросила дама в очках.

— Да!

Капитан тяжело закашлялся.

— Я устроил испытания, — проговорил он сквозь кашель. — Определил текущий диаметр циркуляции, протестировал инерционные и разгонные параметры главного двигателя.

— И как он их держал? Сколько последовательных пусков и реверсов вы делали?

Дамочка была неумна. Она пыталась вывести Калема Брута на максимальные детали всех процессов, дабы максимально снять с себя — и со своей компании — ответственность.

Калем притих и пристально посмотрел ей в глаза.

— Всё согласно инструкции, — холодно ответил он, не давая никакой конкретики по этому поводу.

— Хорошо. На каких оборотах вы вошли в Малаккский канал?

Калем тяжело вздохнул.

— Мы последовали в систему разделения движения на оборотах между «средним» и «полным вперёд».

К счастью, при интенсивном маневрировании с двигателем ничего не случилось, за исключением протечки масла в систему, которая управляет клапанами главного двигателя. Но это было не критично.

Наша якорная стоянка располагалась в самом узком месте Сингапурского пролива. Нам предстояло пересечь встречный поток кораблей и войти на якорную стоянку.

В судоходстве есть такое понятие — «удобный порт»: производство смены экипажа, получение запчастей и снабжения, ремонт и так далее.

В шип-менеджменте есть такой термин — Husbandry, операции по обслуживанию судна.

Так вот, Сингапур является именно таким местом.

Суда нашего типа редко заходят в порт, но если заходят, то на экипаж сваливается невообразимое количество работы. А именно: промежуточное освидетельствование регистра, бункеровка тяжёлым и лёгким топливом, получение снабжения, запчастей, провизии, навигационного оборудования; три ремонтные бригады, чтобы привести в порядок наш двигатель;

посещение судна техническим суперинтендантом из местной дочерней компании; очистка подводной части корпуса водолазами.

Также к нам должны были прислать представителя фрахтователя, который должен был расследовать причины наших аварий.

Дама в очках — миссис Диана Томсон, управляющая суперинтендантским бюро компании, — вопросительно глянула на Калема Брута.

— Да. Вы тогда всё сделали, чтобы замылить глаза проверяющему суперинтенданту. Он не обнаружил отклонений и ничего серьёзного на вас не накопал. Ваш судовладелец может быть спокоен. Хотя, откровенно говоря, он не выполняет свои обязательства.

— Свои обязательства не выполняете вы! — воскликнул капитан. — Я видел судовой журнал и документацию машинного отделения. Серьёзных ремонтов судна давно не проводилось, хотя по обязательствам фрахтователя...

— Фрахтователь — сторона в договоре фрахтования, которая принимает на себя обязанность осуществить за вознаграждение перевозку груза морем в порт назначения с условием предоставления всего судна, части его или определённых судовых помещений. Где ремонт, снабжение, топливо и обеспечение лежат на фрахтователе. Помните?

— А что делает судовладелец? Просветите меня, пожалуйста! — с иронией в голосе спросила представитель фрахтователя.

— Разве ремонт судна не осуществляет судовладелец?

— Послушайте, дамочка!

— Диана Томсон! — с иронией представилась глава фрахтователей.

— На данный балкер... — продолжил Калем. — Два фрахтователя: вы и ваши партнёры — «Rio Tinto», горнодобывающая компания! И вы, и они постоянно спихиваете обязательства друг на друга. А корабль не резиновый — он имеет свойство выходить из строя! Он нуждается в новых запчастях! Хотите кататься — умеете и саночки возить!

— «Резиновый, не резиновый». Корабля нет! — сухо ответила Диана Томсон.

Диана Томсон понимала, что их компания отчасти виновата, но и судовладелец был не святой.

Но факт того, что на слушании не было представителя из «Rio Tinto», Диане всё-таки не давало покоя.

Что могло скрываться за их отпиской о повторном слушании? Либо они пытались скинуть с себя ответственность, либо тянули время, потому что сами проводили своё расследование.

Так или иначе, их здесь не было.

Она вспомнила выделенные деньги на ремонт охладителей, которые ушли не по назначению. Вместо этого судовладелец купил четыре новых насоса в систему очистки опреснительной установки на судне, которые были зафрахтованы не их компанией.

Полемика шла долго.

Наконец судебный маршал прекратил этот спор.

— Мистер Брут! Расскажите о конфликте с экипажем бункеровщика!

— Да, был такой конфликт, — резко отрезала Диана Томсон.

Калем искоса посмотрел на Диану Томсон.

— Нам привезли три тысячи пятьсот тонн тяжёлого топлива. Они хотели нас надуть на семьсот тонн!

— И вы ударили их бригадира?

Беспристрастный взгляд Дианы Томсон непоколебимо смотрел Калему Бруту в глаза.

Калем Брут устал от разговоров. Горячка давала о себе знать. Слова и мысли становилось всё труднее связывать. Постоянно хотелось пить, но сил было уже не так много.

— Можно мне ещё воды и жаропонижающее, если можно?

Диана Томсон положила папку на стол, подошла к крупному мистеру Бруту и пристально посмотрела в его синие, измученные глаза.

Она крепко стиснула губы, непроизвольно выдохнула и в голос выругалась:

— Чёрт!

— Что случилось? — спросил судебный представитель.

— Чем мы тут с вами занимаемся? — с презрением глянула она на судебного представителя. — Похоже, он болен. Или под действием препаратов.

Леннарт Линдквист встал и подошёл ближе.

Он пристально смотрел в глаза большого викинга — капитана балкерного судна Калема Брута.

— Да. Пожалуй, вы правы... — констатировал Леннарт Линдквист. — Это лишь предварительный процесс. Он изначально носил ознакомительный характер. Но вы правы в одном: до его выздоровления нам здесь пока делать нечего.

Судебный морской прокурор был слегка обескуражен. Он понимал, что нет смысла допрашивать мистера Брута, но любопытство взяло верх, и он, как бы извиняясь, обратился к присутствующим:

— Я думаю, предварительное рассмотрение дела о балкере «Лапландия» сегодня закрыто. Все могут быть свободны. О переносе процесса я сообщу позже и уточню дату досудебного слушания. Если какая-то из сторон будет настаивать на суде, официальный процесс над мистером Брутом будет происходить в Сиднее.

Миссис Томсон взяла со стола свою папку и ноутбук, потом сумочку и снова подошла к Калему Бруту.

Калем пристально посмотрел на неё.

Диана Томсон хотела сказать что-то такое, чтобы поставить точку во всём этом и дать понять капитану, что она не желает ему зла.

Диана вытащила из сумочки маленькую бутылочку воды и остатки таблеток аспирина. Протянула их Калему.

— Выздоровливайте, мистер Брут...

Диана ушла, больше не сказав ни слова. Её изящная фигура в деловом костюме скрылась за дверью.

Служба надзора хотела конвоировать капитана, но судебный представитель остановил их.

— Джентльмены, дайте мне пять минут. Мне нужно кое-что уточнить у мистера Брута — наедине, если можно.

Представители службы надзора удалились за дверь.

Морской прокурор придвинул стул на котором сидела миссис Томсон и присел на стул рядом с капитаном. Он тяжело вздохнул, крепко стиснул губы, показывая неподдельную неловкость, сожаление и сочувствие ко всей этой ситуации.

— Калем... — многозначительно промолвил Линдквист.

Судебный представитель посмотрел капитану в глаза и сменил официальный тон разговора на непринуждённый.

--- Вговорили, что я умираю... Что это значит?

Калем Брут молчал.

— Ясно. Ладно извини... -- Леннард Линквист не стал дальше равивать эту щекотливую тему. --- Понимаешь, ты должен сказать этим акулам, где это чёртово судно, понимаешь? Они от тебя не отстанут! За этим грузом стоят большие люди и большие деньги... Так сказать, «сильные мира сего».

— Это прозвучит странно, но я не знаю, где оно, — промолвил Калем Брут.

— Мистер Брут... Калем... — смягчился судебный представитель. — Я знаю... Ну, по крайней мере, чувствую, что ты... Вы ---хороший человек! Замешкался Морской прокурор.

--- Они затаскают вас по психушкам, хотя, наверное, это единственный способ избежать тюрьмы. Вам дадут лет сорок тюремного заключения... — задумчиво проговорил судебный представитель. — Я понимаю, что не должен обсуждать с вами это. Но мне вас действительно жалко. Вы знаете, я верю тому, что вы говорите. И это останется между нами. Но вам нужно вспомнить, где затонуло судно. Потому что в указанных вами координатах ничего не нашли.

— Что было в этих боксах такого ценного, аж на миллиарды долларов? Почему мне об этом никто не сказал? — прохрипел Калем Брут.

— Я бы тоже хотел это знать! В конце концов, вы же капитан. Вы принимали решения, вы принимали груз, а не я...

Калем Брут угрюмо опустил глаза.

— Я всё проверил. Я всегда всё проверяю, — пробурчал он.

— Мистер Брут, они думают, что вы в сговоре с китайскими шанхайскими маргиналами. Подозревают, что вы работаете на них...

Линдквист сделал паузу.

— Единственное, чего я не понимаю: зачем через столько лет вы появились? Ведь вы могли скрыться, и никто о вас уже и не вспомнил бы.

Внезапно судебный представитель как-то странно глянул на Калема Брута.

И каким-то странным, зловещим голосом переспросил:

— Вам что-то говорит слово «Эвэ»? Где она? Какой протокол?! Назовите номер протокола!

Что-то помутилось в голове Калема Брута.

Словно загипнотизированный, он начал монотонно бубнить про себя:

— Эвэ... В спектральном пересечении звёздного Регистра, в области карликового Льва. Координаты: 9h 15m до 11h 00m, от +23°30' до +42°, 232 квадратных градуса... 64-е место... от +90° до -48°...

— Калем! Калем! Что с тобой? Эй! Люди! Сюда!!

Линдквист схватил его за плечо.

— Очнитесь!!!

Глава 2

«Самый лучший способ жить с честью в этом мире — это быть тем, кем мы притворяемся».

Джим

Джим Вотчестер был пожилым фермером, человеком солидного возраста и с большим жизненным опытом. Сам он называл себя «поношенным львом». Это определение собственного почтенного статуса всегда раздражало его замечательную супругу Сару, которая происходила из племени чокто.

Джим и Сара Вотчестеры держали небольшую ферму площадью в четыреста с лишним акров. Они были одними из немногих фермеров Оклахомы, которым разрешалось иметь ферму и жить в пределах заповедной зоны, в двадцати милях от городка Пото, среди дубовых холмов, к юго-востоку от поселения Монро, практически у самой границы с Арканзасом.

Это были поистине дикие места — с дикими и непонятными для остального мира нравами.

Приезжие в Оклахоме обычно долго не задерживались. Консервативное общество баптистов Оклахомы было весьма не по душе тем, кто привык к комфортной жизни и лёгкой наживе, — случайным «конформистам» из Нью-Йорка и других крупных городов Америки.

Здесь всё было иначе.

Это был край чокто и суровых ковбоев. Край, не предназначенный для слабаков. Здесь нужно было уметь жить.

По большей части люди были добрыми и приветливыми, но к чужакам относились настороженно. Здесь каждый знал, кто живёт по соседству, и люди негласно присматривали друг за другом. Если кто-нибудь без разрешения забирался на чужую территорию, хозяин мог встретить незваного гостя крайне недружелюбно.

Чужаков здесь не жаловали.

Оклахома жила по своим правилам.

Ирландия не забыла, как одно из племён коренных американцев помогло ей в трудную минуту.

Это случилось во времена Великого картофельного голода 1840-х годов, ставшего настоящей катастрофой для населения Ирландии. Около миллиона человек погибли, ещё около полутора миллионов были вынуждены покинуть страну. Таковы были ужасающие последствия этой трагедии.

Узнав о голоде на Изумрудном острове, нищее тогда племя чокто — всего несколько лет назад прошедшее по Дороге слёз, то есть пережившее насильственное выселение с родных земель, — собрало деньги для помощи ирландцам.

Для чокто это была огромная сумма.

Но важнее были не деньги.

Важно было то, что они протянули Ирландии руку помощи в один из самых трагических моментов её истории.

Чокто — племя коренных жителей Северной Америки, которое исторически населяло долину реки Миссисипи. Вопреки распространённому представлению об индейцах как о кровожадных дикарях, это было развитое общество со своей культурой, системой управления и традициями.

Чокто быстро перенимали многие культурные и технологические достижения европейцев. Во времена борьбы за независимость США они поддерживали американское правительство.

Но благодарность за это оказалась своеобразной.

Впоследствии чокто столкнулись с принудительным выселением с родовых земель. Значительная часть племени была переселена на территорию нынешней Оклахомы, а часть людей осталась на исконных землях.

Прошли годы.

Сегодня чокто сумели сохранить свою культуру, традиции, язык и самобытность. Племя также стало крупным экономическим субъектом, развивая предприятия в сфере игорного бизнеса, гостиничного дела и других отраслей.

Однажды случилось так, что чокто снова оказались среди тех, кому требовалась помощь.

Мировая эпидемия создала не только огромные экономические трудности, но и затронула практически все стороны жизни людей. Многие остались без доступа к воде, электричеству и медицинскому обслуживанию. Особенно тяжело пришлось тем, кто находился в группе риска.

И тут неожиданно стала поступать помощь — откуда её совсем не ждали. Народ Ирландии не забыл историю.

Когда стало известно, что коренное население США испытывает серьёзные трудности и не может получить доступ к самым элементарным жизненно необходимым вещам, ирландцы начали собирать средства.

Каково же было всеобщее удивление, когда в кратчайшие сроки на счёт поступило более 3,4 миллиона долларов, значительную часть которых пожертвовали именно граждане Ирландии.

История словно замкнула круг.

Когда-то чокто помогли голодающей Ирландии.

Теперь Ирландия пришла на помощь коренным американцам.

Связь между Джимом и чокто была не случайной.

Предки Джима были переселенцами из Ирландии — людьми, покинувшими родину во времена картофельного голода. На протяжении поколений его семья поддерживала отношения с народом чокто, а в разные исторические эпохи представители обеих сторон даже воевали плечом к плечу.

Так, от деда к отцу, от отца к сыну, передавалось ранчо Джима.

После смерти первой жены-ирландки Джим спустя некоторое время женился на соседке — женщине из племени чокто по имени Сара.

Когда-то ранчо было значительно больше. В совокупности земли Джима насчитывали около 2480 акров. Однако в 1950-х годах часть территории была национализирована.

Затем Джим оказался в долгах и был вынужден продать ещё часть земли. По действовавшим тогда правилам приобрести её могли не все желающие.

Часть участка выкупили представители общины чокто по приемлемой для Джима цене.

Позже, пережив очередной финансовый кризис, он продал ещё часть земли.

В итоге у него осталась только та территория, которую когда-то получили его далёкие предки и которая впоследствии стала семейной землёй.

Рядом находились земли Сары.

Благодаря совместным усилиям Джима и Сары ферма более-менее держалась на плаву.

На данный момент старый Джим держал несколько сотен коров породы лимузин и лошадей для занятий рейнингом.

Рейнинг — один из видов конного спорта в стиле вестерн. Главные особенности этого направления — баланс, контроль над лошадью, управление весом всадника, терпение и мягкость. Хорошо обученная лошадь должна быть послушной, управляемой и сохранять спокойствие даже в сложной ситуации.

Американские ковбои проводили много часов в седле. Их стиль езды и снаряжение были приспособлены для работы с лассо, сортировки и перегона скота, зачастую по пересечённой местности.

Постепенно сформировались характерные для вестерна приёмы управления лошадью. В частности, лошадь обучали реагировать на прикосновение повода к шее, что позволяло всаднику управлять ею одной рукой.

Лошадьми Джима занималась специальная фирма, которая тренировала спортивных лошадей. Её спортсмены-ковбои выступали на различных соревнованиях по всей территории Соединённых Штатов.

По сути, Джим являлся спонсором собственной команды.

Чтобы понять масштаб этого бизнеса, достаточно было взглянуть на его конюшню.

Одна из лошадей Джима, по кличке Чёрный Мармон, оценивалась в восемьсот тысяч долларов.

Другая — в двадцать пять миллионов.

Инвестиционный пай Джима в этой лошади составлял 1,8 миллиона долларов.

И это, конечно же, был далеко не предел.

У других участников этого американского вида спорта стоимость отдельных лошадей могла достигать десятков миллионов долларов.

Дешёвым этот спорт назвать было невозможно.

Но основным бизнесом Джима Вотчестера была переработка кормов и производство рома.

Сара держала сувенирную лавку в Пото — городке с населением около шести тысяч человек.

Обычно Мари помогала матери в лавке. Но перед этим она вставала в четыре утра и встречала грузовик, который увозил готовую, упакованную продукцию — переработанные корма и добавки — клиентам и в торговые точки по всему штату.

В шесть утра вставали рабочие: Роджер и Лора из Мемфиса — муж и жена, тоже ирландского происхождения, как и Джим, — и Александр, русский эмигрант.

Они выгоняли коров на пастбище, а затем шли завтракать.

Обычно завтракали все вместе.

Сара готовила для всех. Женщины готовили по очереди или договаривались между собой, кому сегодня заниматься кухней. Но чаще всего готовила Сара, потому что ей это нравилось.

Ей нравилось радовать близких своей стряпнёй.

Все дружно подтягивались к столу.

Первым садился Джим — во главе стола. Затем Мари, Роджер, Лора и Александр.

Справа от Джима всегда стояла пустая тарелка.

Слева, как всегда, оставалось место для любимой внучки Лизи, которая практически постоянно опаздывала к завтраку.

Наконец последней садилась Сара.

Убедившись, что у всех всё есть, она беспокойно окидывала взглядом входную дверь в столовую и громко звала Лизи, которая, как обычно, возилась где-то в ванной или спальне.

— Лизи! Завтрак стынет! Мы все тебя ждём! — воскликнула покрасневшая от утренних хлопот Сара, беспокойно поправляя тарелки на столе.

Мари повторила примерно то же самое.

Все, тихо пряча улыбки, начали накладывать себе еду, пока Лизи продолжала возиться у себя.

Один Джим сидел суровый, надутый, как индюк, и рассматривал то, что лежало у него в тарелке, а затем переводил взгляд на тарелки остальных.

Словно за шестнадцать лет жизни с Сарой сегодня могло что-то измениться — и в его тарелке внезапно появился бы полинезийский омар.

На столе стояли помидорный салат, сэндвичи с беконом и яйцом, курица, мелко натёртый жареный картофель, лимонный пирог с яблочным пюре и творогом, кофе в прозрачном кувшине и ягодный морс для Лизи и Александра.

В этом доме ягодный морс пили только они.

Джим и остальные предпочитали с утра кофе.

Наконец в коридоре раздался громкий топот босых ног.

В столовую вбежала яркая маленькая кудрявая профурсетка с ярко-рыжими красивыми волосами, слегка курносым носиком и большими голубыми глазами. На её лице сияла широкая улыбка.

— Я тут! — весело воскликнула Лизи и с сияющими глазами посмотрела на всех.

Джим, как всегда, встал не с той ноги. На его суровом лице обычно ничего хорошего прочитывать было нельзя. Но стоило ему услышать звонкий, как колокольчик, голос маленькой девятилетней Лизи, как старик уже не мог оставаться равнодушным и сдерживать эмоции.

Он тихо опускал глаза и скромно улыбался.

Его розоватое лицо, голубые глаза и серебристая борода выдавали его трепетное отношение к любимой внучке.

Джим был круглолицым, с маленькими глазами, словно его покусали пчёлы. Глаза слегка слезились, но это не было связано с какой-либо болезнью. Просто Джим часто находился в бродильне своего цеха, где производились ром, спирты и другие вещества, пары которых раздражали слизистую глаз.

Можно было заметить, что в молодости Джим, вероятно, тоже был рыжим.

— Всем привет! — воскликнула Лизи.

Все с улыбкой поздоровались и, как обычно, отпустили ей вслед какой-нибудь комплимент.

Лизи лишь театрально вздохнула и то ли в шутку, то ли всерьёз ответила:

— Да-а, я такая!

Все весело переглянулись.

— Мы даже не сомневаемся, моя дорогая! — задорно ответили ей.

Лизи подошла к Джиму, обняла его, повиснув на толстой шее, и поцеловала в розовую щёку.

Потом тихо села слева от него и неуклюже налила себе ягодного морса.

Мари, улыбаясь, подняла глаза на дочку, потом посмотрела на Сару.

Их взгляды были понятны без слов.

Лизи любили все.

А Лизи больше всех любила своего деда.

Наконец, когда все затихли, Джим прокашлялся и промолвил:

— Друзья мои! Давайте помолимся!

Все взяли за руки. Даже Александр взял за руки Мари и Сару. Это была традиция семьи, в которой он работал, и он не хотел невольно оскорбить чувства верующих. Александр тоже опустил голову.

Джим начал молитву:

— Дорогой Господь! Спасибо Тебе за то, что мы дышим и имеем возможность видеть, любить наших близких и друзей!

Спасибо Тебе за пищу, которую Ты даёшь нам, и за то, что наполняешь наш труд и нашу жизнь смыслом!

И благослови, Господь, тех, кого с нами нет. Ибо они всегда с нами — в наших сердцах.

Спасибо Тебе, Господь, за ещё один новый день! Пусть он будет плодотворным и благословенным Тобой, а мы пусть будем благословенны в нём.

Аминь!

— Аминь... — раздались голоса всех присутствующих за столом.

После молитвы все взялись за приборы. Каждый начал накладывать себе еду.

Но, как обычно, официальное баптистское молчание вскоре было прервано неуёмным голосом Лизи.

— Дедушка! Дедушка! А я вчера видела в конюшне броненосца! Его лошади могут прыгнуть за мячик и будут его пинать! — писклявым голосом воскликнула она.

— Почему? — спросил Джим.

— Ну-у... Он же бронированный! — деловито ответила Лизи, разведя руки в стороны и растопырив пальцы.

Жест получился настолько забавным, что все невольно улыбнулись.

Старик Джим тоже улыбнулся. Но в словах Лизи он уловил смысл.

Он был восхищён её прозорливостью.

Джим положил себе в тарелку кусок курицы и обратился к Мари:

— Дочка, закажи у Флипперов рулон сварной сетки с ячейкой полтора дюйма!

— А зачем нам сетка? — спросила Мари.

— Лизи права! Броненосцы могут испугать лошадей, а нам не нужны лишние травмы ног. Под каждой дверью в конюшне нужно будет набить по полоске сетки, чтобы, от греха подальше, эта живность больше не забиралась внутрь. Парни из «Гринхолла» — фирмы, обслуживающей наших спортивных лошадей, — в понедельник приедут за нашим Мормонтом и Джуниором!

Мари с укором посмотрела на Лизи, а затем спокойно промолвила:

— Хорошо, папа. Я закажу. Парни всё сделают. Правда, парни?

— Да, мэм... — буркнули те, продолжая уплетать за обе щёки вкусный завтрак.

После того как Лизи разрядила обстановку за столом, Джим обычно немного приходил в себя. Лицо его добрело, угрюмость уходила на задний план, и старик постепенно включался в общий разговор.

В семье Джима работники никогда не чувствовали себя людьми второго сорта.

Атмосфера в доме, то, как он обращался с людьми, вёл дела и просто не оставался безучастным к чужим проблемам и нуждам, располагали к нему окружающих. Рядом с Джимом люди чувствовали доверие и дружбу.

У Джима был девиз, который когда-то привил ему отец, а тому — его отец, и так далее.

Звучал он примерно так:

— Относись к рабочим как к своим близким. Не требуй от работника больше, чем можешь сделать сам.

Дела веди честно, люби семью, отчизну и Бога!

Этот простой девиз помог Джиму завоевать уважение в Пото и Монро.

Он даже избирался мэром Пото и пробыл на этом посту два срока. Потом отошёл от политики и занялся фермой.

Политика забирала слишком много времени и сил.

За столом тем временем разгорелась дискуссия по поводу соревнований в Майлс-Сити — городке на востоке штата Монтана, который славился ежегодным Bucking Horse Sale.

Обсуждение быстро перешло к лошадям, соревнованиям и большим деньгам, которые крутились в этом бизнесе.

Каждый высказывал своё мнение, вспоминал известных лошадей и рассказывал истории о смельчаках, которые пытались укротить необъезженных животных.

После этого разговор плавно перешёл к аукционам и рейнингу. Здесь люди делали большие ставки на своих фаворитов, надеясь не только получить удовольствие от соревнований, но и заработать хорошие деньги — а заодно приобрести породистых лошадей и телят.

Обсуждение продолжалось ещё некоторое время. Все завтракали, разговаривали, смеялись.

И вдруг весь этот утренний гул перебил звонкий удар упавшей вилки о кафельный пол столовой.

Все замерли и посмотрели в ту сторону, где стояла пустая тарелка.

Вилки возле неё не было.

Она лежала на полу.

Видимо, Мари случайно зацепила её локтем, когда увлечённо что-то объясняла своей мачехе.

Так это выглядело на первый взгляд.

Через мгновение Лизи встала из-за стола, обошла деда и подняла вилку с пола. Затем положила её рядом с тарелкой.

Потом отодвинула пустой стул, встала на колени и дотянулась до блюда с курицей.

Лизи взяла кусок и положила его в пустую тарелку.

Все молча смотрели на её неуклюжие детские движения.

Лизи окинула присутствующих своим непосредственным, пронзительным детским взглядом и тихо промолвила:

— Папа тоже хочет кушать.

После этих слов Мари медленно положила приборы. Затем раздражённо бросила на стол красную салфетку, лежавшую у неё на коленях, и торопливо отодвинула стул.

— Прости, Джим. Я так больше не могу...

Она тяжело выдохнула.

— Мы с Лизи переедем в хижину у реки. Сегодня же! Надоело мне всё это! Калема нет уже три года. Три года! — воскликнула она.

Мари указала взглядом на пустое место за столом.

— А мы до сих пор накрываем на стол, как будто он с нами! Джим, я понимаю, что ты её очень любишь, но не нужно потакать всем её прихотям!

— Но он же не умер! — тихо промолвила Лизи.

— Лизи! — нервно воскликнула Мари.

Она с трудом сдерживала раздражение. Конечно, она не хотела причинить дочери боль. Просто всё происходящее становилось для неё невыносимым.

Калем Брут — её муж — пропал три года назад в океане вместе с кораблём и всем экипажем.

Поиски не увенчались успехом.

Три года Мари верно ждала его.

Но время не стоит на месте. Нужно было как-то жить дальше.

А странная убеждённость дочери в том, что «папа с нами», очень беспокоила её.

Они обращались к специалистам, но это ничего не дало. Никто не решался назвать Лизи больной или поставить какой-либо диагноз. Девочка была совершенно здоровым ребёнком — физически и психически.

Мари встала из-за стола и молча ушла.

Лизи заплакала.

— Я не поеду в хижину! — крикнула она и убежала на улицу, с трудом открыв тяжёлую стеклянную дверь, ведущую из столовой на задний двор.

— Лизи! Мари! — обеспокоенно воскликнула Сара.

Она растерянно посмотрела на Джима.

— Да что же это?..

— Лизи, вернись! — промолвил Джим и тяжело вздохнул.

Он попытался встать из-за стола, но зацепился ногой за ножку стула и чуть не упал, пролив на себя чашку кофе.

— Чёрт побери!

Он снова тяжело опустился на стул.

— Поел называется...

Джим посмотрел сквозь большую стеклянную веранду туда, куда убежала Лизи.

Некоторое время он молча смотрел ей вслед, затем тяжело окинул взглядом всех присутствующих.

После этого надел свою чёрную ковбойскую шляпу и обратился ко всем:

— Ладно, народ! За работу! У нас много дел сегодня!

Глава

Глава 3

«Факты, доступные чувствам, не справляются с мнениями, и явления природы не преклоняются перед древностью; нет ничего древнее и авторитетнее самой природы». — Уильям Гарвей (1578–1657)

Мать

— Процесс секвенции завершён! До полного восстановления осталось тридцать минут! — раздался женский голос бортового помощника.

Образец «144-Х» лежал в своём секвенаторе, словно младенец в колыбели, укутанный тонкими, полупрозрачными, мерцающими корнями. Подобно савану, они покрывали Калема Брута с ног до головы, создавая некий кокон.

Технологии инопланетной цивилизации были на порядок выше всего, что можно было увидеть в мире людей. Это было ни с чем не сравнимо.

Всюду царила повышенная влажность, словно в турецком хамаме.

Спустя тридцать минут кокон перестал мерцать. Корни медленно расползлись и вскоре исчезли в живых стенах этого странного корабля.

Калем открыл глаза. Он приподнялся на локтях и осмотрелся.

Он вспомнил, где находится.

— Значит, это не сон... И я ещё Калем Брут...

Он произнёс это тихо, почти про себя.

— Галлюцинация, ты ещё здесь? — громко воскликнул он.

На голос 144-го отозвался бортовой помощник:

— Калем Брут! Я здесь!

— Да не ты! — буркнул Калем.

Голос, который он ожидал услышать, так и не отозвался.

«Странно...» — подумал он.

Калем рассмотрел свои руки и ноги, пошевелил пальцами, повертел шеей.

— Ух ты! Всё зажило!

Он внимательно посмотрел на руки. На них не осталось ни ссадин, ни царапин, полученных им, когда он открывал застывшую крышку капсулы.

— Чудеса, да и только! Как хорошо! А воздух какой! — восторженно произнёс он.

144-й почувствовал, что силы вернулись, и попытался встать на ноги.

Ноги держали его крепко, но нормально ходить он пока не мог. Ему приходилось учиться этому заново.

Благо вокруг всё ещё сохранялась относительная невесомость, и тело было не таким тяжёлым.

Калем мог понемногу передвигаться, хотя и очень неуверенно. Его походка была неестественной — чем-то средним между ходьбой и парением.

Калем осмотрелся.

И вдруг увидел, как зашевелилась стена.

В ней сама собой образовалась огромная пора размером с двухэтажный дом, а рядом появились миллионы других пор.

Калем опешил.

Он не знал, как на это реагировать и куда бежать.

— Что это за... — выругался он.

— Процесс бинаргуляции! Системное восстановление параметров инвитро-бинарного набора адаптации живой формы этого корабля!

— Так как мы застряли между временным слоем в туманности М78 (NGC 2068)... — продолжил бортовой помощник.

— М78 — отражательная туманность в созвездии Ориона, удалённая от Земли примерно на 1350–1600 световых лет. Она находится в Облаке Ориона и имеет видимую звёздную величину 8,3, что делает её одной из наиболее ярких отражательных туманностей.

Калем слушал, не перебивая.

— Электромагнитное излучение, в том числе видимый свет, проходит одну астрономическую единицу примерно за пятьсот секунд, то есть за восемь минут двадцать секунд. Более точное значение, с учётом принятых определений астрономической единицы и скорости света, составляет 499,005 секунды.

Бортовой помощник продолжал:

— Внутри М78 сформировалось погружённое скопление, которое притянуло корабль в позицию «вне нуля». В квантовом диапазоне это называется «вне времени». Поэтому единицу массы отсчитывает сам корабль.

В процессах бинаргуляции возникают сбои. Но это не критично. На жизненно важные системы они не влияют.

Это лишь отсек секвенции. В остальных отсеках, кроме отсека «В», всё в норме.

Калем Брут с огромным удивлением осмотрел пространство вокруг себя.

Оно было настолько огромным, что казалось, будто он просто микроб внутри этого корабля.

Он поднял голову и увидел необычайно красивую люминесцентную игру огромного живого организма.

Это была игра живых клеток корабля.

Они словно отражали всю Вселенную вокруг себя.

Высота до необычного, вычурного свода составляла примерно полторы-две тысячи метров — словно высота горы.

Ширина, на глаз, была почти равна ширине шести полноценных стадионов.

Пространство постоянно менялось, но неизменными оставались лишь необычный свод и сужение вверху.

Свод напоминал огромное живое дерево, по стволу которого беспрерывно что-то перетекало и жило.

Что-то шевелилось.

Что-то росло.

Звуки, издаваемые этими стенами, были невероятными. Поразительными.

Они переливались и усиливались по мере приближения к стенам, столпу и своду корабля.

Калем был просто поражён увиденным.

— Как? Как?! Как я не видел этого раньше? — тихо прошептал он. — Что это? Как такое возможно?

— Это корабль. А это — Мать. Точнее, её крошечная частичка.

— Крошечная?! Это ты называешь крошечной?! А какая же тогда остальная её часть?

Калем Брут был в восторге от услышанного, но одновременно его охватил лёгкий страх.

— Я не знаю, что это такое, но она мне нравится!

При этих словах у основания свода разлились в разные стороны бирюзовые свечения.

Они были очень яркими и состояли из миллионов тонких переливов и оттенков.

Миллионы прожилок, волосков и сообщающихся сосудов словно ожили одновременно.

Казалось, они общались между собой.

— Ух ты! А это что?!

— Это Мать так реагирует на ваши эмоции. Ваши вибрации передаются ей, — прокомментировал бортовой помощник.

— Ну да... Она же живая... — пробубнил Калем.

Он поднял голову и улыбнулся.

— Мамочка, ты супер! — восторженно воскликнул Калем.

— Воистину прекрасна! Я бы хотел осмотреть здесь всё... Проведи меня в блок управления кораблём!

— Ваш уровень доступа ограничен для этого блока.

— Очень интересно... Тогда объясните, что я здесь делаю и как я сюда попал?

— Данная информация стёрта.

— Вот как?! — удивлённо спросил Калем Брут.

— Хорошо! Тогда разъясните текущие инструкции и что я должен делать.

Бортовой помощник на мгновение притих.

— Это вы должны разъяснить мне инструкции и сказать, что мне делать! Вы старший на этом корабле!

Калем Брут совсем отчаялся.

Он просто не мог помыслить, как такое вообще возможно.

Как выключить этот сон?

Как проснуться?

Где тот переключатель, который возвращает его в реальность?

Где моя семья?

Где Мери?

— Если я старший, почему я не могу попасть в отсек управления кораблём?

— Доступ строго ограничен.

Калем едва смог взять себя в руки, чтобы не наорать на эту машину. И всё же он постарался заговорить максимально спокойно и уравновешенно:

— Хорошо. Как я могу тебя называть?

— А зачем меня называть?

— Для машины ты слишком болтлива. Но у нас на Земле люди обращаются друг к другу по имени. Как я могу тебя называть? Как твоё имя?

Бортовой компьютер на мгновение притих.

— Земля? Имя? Это как имя файла?

— Да! Как имя файла! — раздражённо проговорил Калем.

— Но в моём распоряжении все файлы. Триллионы файлов. Какой из них вас интересует?

Калем на мгновение закрыл глаза.

— Ладно, не будем терять время. Я буду называть тебя Клара!

— Почему Клара?

— Потому что я так хочу! — Калем уже не скрывал своего раздражения.

— Хорошо. Какие будут распоряжения, Калем Брут?

— Мне нужна база данных предыдущих капитанов этого корабля. Бортовой журнал и основная миссия на текущий момент.

— Я должна перенести вас в аудиторский блок.

— Это как?

— Вот так.

Вокруг Калема Брута образовались тонкие линии.

Оранжевое свечение создало некую антисферу, и всё, что находилось перед глазами Калема, исчезло.

Живые растущие стены Матери, полые пористые структуры, льющиеся звуки воды и пение невообразимых созданий и птиц — всё исчезло.

Они оказались в обычном отсеке.

Белые стены имели структуру сот. Отсек представлял собой белый зал без стульев, столов и прочих вещей, к которым привыкли люди.

Пол был залит водой по щиколотку.

Калем почувствовал, как ему тяжело стоять.

Он упал в воду.

Температура воды составляла около двадцати четырёх градусов, но даже этого хватило, чтобы он почувствовал холод.

— Что со мной? Почему мне так тяжело? — спросил 144-й, недоумевая.

— В отсеке аудиторов работает гравитация. Здесь всё по-другому.

Посреди зала, прямо в воде, находился небольшой выступ примерно на шесть сантиметров выше её уровня. Он имел форму идеального круга диаметром около семидесяти сантиметров.

Калем Брут был удивлён всеми этими странными метаморфозами.

— Мы пришли искупаться? Что это за место?

— Это место аудитора системы корабля. Но они, к сожалению, вымерли, когда хотели переформатировать Мать, и эту функцию стало некому выполнять.

— Ваши перефералы имеют нужную частоту для начала входа в аудит.

— Я пока не понимаю, о чём ты говоришь. Полагаю, это что-то занятное и важное... Ну и как это работает?

Калем огляделся.

— Тут кругом вода. Ни пульта, ни рычагов, ни кнопок... — в недоумении произнёс Калем Брут.

— Пройдите в центр круга и сядьте в позу лотоса.

— И что потом?

— Потом вы должны включить перефераль и войти в связь с Матерью, — скомандовал бортовой помощник.

— Какую перефераль?

— Это знаете только вы.

— Я ничего не знаю! — заорал Калем Брут.

Его хриплый бас эхом разнёсся по высокому помещению.

Калем встал.

Он пошевелил босыми ногами, сжимая и разжимая пальцы, и посмотрел на них сквозь прозрачайшую воду.

Ощущение было странным.

Воды было всего по щиколотку, но казалось, будто он стоит посреди бесконечного океана.

Калем с трудом сделал пятнадцать шагов и плюхнулся в воду.

Идти было очень тяжело.

— Вода среди нас, внутри нас. Всё во Вселенной — это океан. Найди свой океан, — раздался голос из ниоткуда.

Калем ожидал, что сейчас что-то должно произойти: что-нибудь загорится, закипит или случится нечто в этом духе.

Но ничего не происходило.

Вода как вода.

Ничего особенного.

«Показалось...» — подумал он.

Он прополз в центр круга.

До него было примерно девяносто шагов.

Калем оглянулся назад и присел, как велел бортовой помощник — Клара.

— Ну?! Я сел. Что дальше?

— Дальше вы должны войти в связь с Матерью и двигателями корабля.

— Каков принцип работы?

— Принцип работы следующий: капитан подаёт команды аудитору. Аудитор входит в связь с Матерью и двигателями корабля. Аудитор задаёт координаты следующих врат активного потока. Мать запускает нейросеть в четыре этапа.

Первый этап: диспергация — смешивание и активация ретроградных позитронов.

Второй этап: проверка системы магнитосферы.

Магнитосфера находится в ядрах реакторов, в специальной жидкости под названием «Герис». Это видоизменённая искусственная кровь для Матери.

«Кровь» не замерзает, так как ядро вокруг себя имеет очень низкую температуру — минус 302 °С.

Это необходимо для поддержания баланса и термобарьерной защиты, которая разделяет функцию жизнеобеспечения на две термические зоны: теплоактивную и теплоинертную, с разными видами вертикальной стратификации температуры.

На неё влияет как внутреннее тепло, которое излучает корабль и всё живое внутри него, так и внешнее излучение близлежащих звёзд.

Мать входит в контакт с реактором через эту «кровь».

Третий этап: раскручивание двух реакторов.

И четвёртый этап: переключение третьего реактора в фазу защиты.

Выставить все кодировки в последовательности всех соотношений частот и определить единую систему контроля.

— Это как?

— Над реактором есть защитный германиевый короб. Германий не пропускает позитроны от энергии потоковых коридоров, по которым движется корабль в момент прыжка.

Но он прозрачен для инфракрасных лучей, которые экранируют специальные датчики.

Выброс массы, которая будет нас толкать, должен происходить одновременно с Матерью.

Тогда ядро реактора сжимается настолько, что не позволяет кораблю притягиваться к массивным объектам и звёздам.

Это очень сложный корабль. Он не может управляться простыми рациональными командами.

Вы должны вспомнить, как управлять этим кораблём.

Вы должны войти в контакт с Матерью.

Приступайте!

Для Калема всё сказанное было словно высшая математика.

Он ничего не понял из всего этого.

— Как я должен приступать?

— Не знаю. Вы должны вспомнить. В моих источниках информация отсутствует. Есть только инструкции запуска. Инструкций взаимодействия, к сожалению, нет. Код не прописан.

— Хм... Очень интересно, — произнёс Калем.

Он задумался.

— Какую роль здесь играет тогда эта вода?

— Информация отсутствует.

— М-да... Толку от тебя никакого! Только зря намочился!

Калем с трудом встал, повернулся ко входу и неуклюже, медленно пошагал к стене, которая отличалась от других.

Это был выход.

Каждый шаг давался ему с таким трудом, что он не выдержал и от слабости просто пополз по водному зеркалу.

Спустя некоторое время, преодолевая усилие и боль, он всё-таки выбрался из этого странного помещения.

Здесь уже была относительная невесомость.

— Чёрт! Как же это тяжело! У меня сердце выскочит из груди! Где я могу отдохнуть?

— Отсек «3». Следуйте за указателем.

В пространстве появилось знакомое свечение.

Посреди длинного треугольного тоннеля образовался маленький симпатичный светящийся шарик, похожий на шаровую молнию.

— О! Тебя я знаю! — воскликнул Калем. — Только не так быстро, а то я за тобой не поспеваю...

Калему было очень тяжело, и у него даже закружилась голова.

Шарик летал, переливался, потрескивал, издавал странные звуки.

Он стремительно улетал куда-то вдаль, в огромные лабиринты коридоров и тоннелей, и так же стремительно возвращался назад.

А когда Калем спотыкался, шарик подлетал к нему так близко, словно пытался помочь ему подняться.

Время от времени он впивался в тело Калема лёгкими разрядами.

Калем с опаской поглядывал на невиданное диво и никак не мог понять, как это работает.

Однажды Калем набрался смелости и притронулся к шарiku.

Но тот пролетел сквозь его ладонь, как ни в чём не бывало.

«Какая невероятная штука...» — подумал он.

Глава 4

«Ты осуждаешь моё настоящее, не зная и капли прошлого».

Кто я?

— Отсек «З»! — раздался громкий голос бортового помощника Клары.

Светящийся шарик растворился в живой стене. Стена сложилась в тысячу пазлов, и проход открылся.

Внутри приятно пахло дождём. Яркий свет озарял огромное пространство. Казалось, перед Калемом раскинулся белый день на побережье какого-нибудь тропического острова. Песок, листья, вода, небо, а главное — ветер, лёгкий бриз... Всё было настоящим.

Но водная гладь вдали, примерно в четырёхстах метрах, выдавала искусственную природу этого места. Это был огромный зал площадью около пятидесяти гектаров, разделённый едва видимой пеленой. В нём имелся собственный источник света неизвестного происхождения и подобие настоящей природы.

На берегу стояла одинокая хижина, а вдали, на другой стороне водной глади, на небольшом острове находилось ещё около сорока таких бунгало.

Похоже, когда-то здесь жили члены экипажа корабля.

«Не такую каюту для отдыха я себе представлял...» — подумал Калем Брут.

— Выберите себе место для отдыха! — раздался голос бортового помощника, ещё больше исказив иллюзию окружающей среды.

— Любое?

— Любое! Какое вам нравится!

— Мне нравится вон та одинокая хижина у самого берега, с пляжем, как на нашем озере...

— Она ваша! Я настрою это место под вашу биосистему.

В отсеке «З» тоже была гравитация, и Калему приходилось нелегко. Он кое-как приновился передвигаться маленькими шажками. Пройдя пять-семь метров, садился и отдыхал.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.